

Дверь квартиры захлопнулась за спиной.

В ярко освещенной прихожей Цзян Сюнь почти сразу же развернулся и преградил путь Лу Линю, который уже направлялся в кабинет, чтобы проверить систему безопасности.

— Аптечка.

Цзян Сюнь протянул к нему руку. В его глазах ещё теплились отголоски того волнения, что охватило его в машине.

— Сейчас же. Будем обрабатывать рану.

Лу Линь остановился и посмотрел на протянутую руку Цзян Сюня — длинные, бледные пальцы. Он молчал две секунды, глядя на него.

— Я справлюсь сам.

— Что значит справишься?

Голос Цзян Сюня невольно сорвался на крик.

— Ты хочешь, как в машине, просто отмахнуться и сделать вид, что ничего не произошло? Лу Линь, ты обещал!

Взгляд Лу Линя задержался на лице Цзян Сюня, которое покраснелось от нетерпения и тревоги. Спустя мгновение он отвел глаза и направился к шкафчику в гостиной.

— Аптечка во втором ящике слева.

Это было равносильно согласию. Цзян Сюнь тут же последовал за ним, порывисто выдвинул ящик и достал белый ящик с красным крестом.

— Садись.

Цзян Сюнь, прижимая аптечку к груди, указал на диван. Лу Линь подчинился. Он сел, сохраняя прежнюю прямую осанку, лишь положил травмированную левую руку на подлокотник.

Он закатал рукав черного плаща, обнажив прожженную ткань рубашки, а под ней — покрасневшую, местами покрывшуюся волдырями кожу. В воздухе разлился запах гари вперемешку с едва уловимым ароматом лекарств.

При виде этой раны сердце Цзян Сюня словно сжало невидимой рукой. Он глубоко вздохнул, сел рядом с Лу Линем и открыл аптечку. Внутри был полный набор медикаментов, но сам он не имел ни малейшего опыта в лечении подобных повреждений.

— Сначала нужно... продезинфицировать, верно?

Цзян Сюнь взял флакон с йодом и ватную палочку, голос его дрожал от неуверенности.

— Да.

Лу Линь ответил коротко, без лишних слов.

Цзян Сюнь отвинтил крышку, пинцетом подцепил ватный тампон и пропитал его темно-коричневой жидкостью. От волнения и каких-то странных, трудноопределимых чувств его руки едва заметно подрагивали. Он осторожно приблизил тампон к обожженной коже, но, когда до соприкосновения оставались миллиметры, замер и поднял взгляд на Лу Линя.

Тот смотрел прямо перед собой, его профиль был холодным и жестким.

Цзян Сюнь закусил губу, набрался решимости и прижал тампон к ране.

— Ссс...

В тот же миг, как вата коснулась кожи, мышцы руки Лу Линя напряглись, став твердыми, как сталь. Горло непроизвольно издало короткий, резкий вдох, который он тут же подавил. Но вздувшиеся на виске вены и резко сузившиеся зрачки выдали, какую жгучую боль принесла дезинфекция.

Цзян Сюнь испугался такой реакции. Он отдернул руку, словно обжегся, и тампон упал на пол. Глядя на то, как Лу Линь пытается сдержать гримасу боли, он почувствовал панику, смешанную с острым чувством вины.

— П-прости! Я... я не рассчитал... — голос Цзян Сюня звучал растерянно и виновато. — Очень больно?

Лу Линь закрыл глаза. Когда он открыл их снова, в них уже не было ничего, кроме спокойствия. Лишь капли пота на висках и всё ещё напряженные мышцы выдавали его состояние. Он покачал головой, голос его звучал хрипло:

— Ничего. Продолжай.

— Но...

Цзян Сюнь посмотрел на рану, которая от йода стала еще темнее, и не решался прикоснуться к ней снова.

— Дезинфекция необходима. Если сделаешь быстрее, будет легче.

Видя, как он пытается делать вид, что ничего не происходит, Цзян Сюнь почувствовал странное раздражение. Он всегда такой! Прячет всю боль и дискомфорт за этой непроницаемой маской!

Он снова взял тампон, пропитал его йодом и на этот раз, не колеблясь, с каким-то упрямым остервенением быстро и сильно протер всю область ожога.

Тело Лу Линя снова резко напряглось, правая рука на колене сжалась в кулак так, что побелели костяшки. Но он стиснул зубы и не издал ни звука, даже дыхание замедлил. Лишь мелкие капли пота выступили на лбу.

Цзян Сюнь, глядя на него, почувствовал, как раздражение улетучилось, сменившись щемящей жалостью и неуклюжей заботой. Он быстро закончил дезинфекцию, в суматохе нашел мазь от ожогов, выдавил щедрую порцию, почти не дыша, нанес на рану, а затем аккуратно наложил чистую повязку.

Его движения были неумелыми, бинтование получилось не самым аккуратным. Лишь когда он закрепил повязку пластырем, Цзян Сюнь наконец выдохнул. Казалось, он только что выиграл тяжелую битву — спина взмокла от пота.

Только тогда Лу Линь едва заметно расслабился. Он бросил взгляд на чуть громоздкий узел повязки на руке, а затем перевел глаза на Цзян Сюня, у которого от волнения даже волосы на лбу намокли.

— Готово, — произнес Лу Линь, его голос стал еще более хриплым.

Ночь сгустилась.

Цзян Сюнь лежал в кровати, но сон не шел. Стоило закрыть глаза, как перед ним вставали сцены этого дня: опасный коридор, тепло объятий Лу Линя, их жаркий спор в машине и то, как он терпел боль при обработке раны.

Раздраженно ворочаясь, он почувствовал сухость в горле и решил сходить на кухню за водой.

В гостиной царил темнота, лишь из-под двери кабинета пробивалась тонкая полоска света. Лу

Линь еще не спит?

Цзян Сюнь на цыпочках подошел к кабинету. Дверь была приоткрыта, и через щель он увидел, что происходит внутри.

Лу Линь сидел за столом, освещенный светом монитора, который отражался на его бесстрастном лице. Он был в домашней одежде, левый рукав закатан выше локтя, обнажая белую повязку на предплечье. Этой самой рукой он управлял мышкой, сосредоточенно изучая что-то на экране.

Свет монитора то вспыхивал, то гас на его лице. В его взгляде читалась такая концентрация, будто жгучей боли в руке вовсе не существовало.

Цзян Сюнь замер на месте. Он смотрел, как Лу Линь то быстро стучит по клавишам правой рукой, то нажимает на мышку левой, травмированной. Движения не были плавными, было видно, как каждое из них дается с трудом из-за боли. Но он не останавливался и даже бровью не повел!

Цзян Сюнь вспомнил слова Лу Линя: «Твоя жизнь важнее».

Вспомнил свой собственный гневный крик: «Ты можешь хоть немного позаботиться о себе?!»

Вспомнил, как напрягались его мышцы при дезинфекции.

Этот человек защитил его самым прямым способом, но при этом совершенно не берег себя. Это осознание не принесло Цзян Сюню чувства безопасности. Напротив, в душе родилось странное, невыразимое волнение и... жалость.

Он стоял за дверью, глядя на фигуру человека, работающего глубокой ночью с раной на руке. И впервые так ясно осознал: Лу Линь — это не просто «телохранитель» с холодным сердцем, присланный семьей. Он живой человек, который чувствует боль, но выбирает молча терпеть и продолжать путь.

Цзян Сюнь не стал входить и не издал ни звука. Он тихо развернулся, пошел на кухню, выпил стакан теплой воды и вернулся в спальню.

Когда он снова лег, раздражение чудесным образом утихло. Его место заняло тяжелое, незнакомое чувство. В нем была капля раскаяния за свою недавнюю вспыльчивость, непреходящая тревога за состояние Лу Линя и что-то еще, чего он сам пока не мог до конца понять.

<http://bllate.org/book/19534/1915445>